

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 114–122
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 114–122
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-114-122>, EDN: RBTYLZ

Научная статья
УДК [94+342.25](470.61-25)|1779/1870| (=19)

«Смотрители» в системе самоуправления Нахичеванской армянской колонии на Дону (1779–1870 годы)

Л. В. Батиев

Южный научный центр Российской академии наук. Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, д. 41

Батиев Левон Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политологии и права, batiev@ssc-ras.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3351-8039>, AuthorID: 508681

Аннотация. Смотрители были учреждены в 1779 г. как «заступники» переселенцев. В Нахичевани они упоминаются лишь в 1784 г. (в 1782–1783 гг. – городничий). Назначенные заново магистратом в 1837 г. два смотрителя (урядника) функционировали до 1844 г., их функции были переданы обратно заседателям магистрата. Штатами 1780 г. в селениях были утверждены четыре смотрителя. Они как нижние полицейские чины, действующие по «Инструкции», полученной от магистрата, просуществовали до реформ 1860-х гг.

Ключевые слова: Нахичеванская колония, самоуправление, селения, магистрат, заседатели, смотрители, полиция

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания ЮНЦ РАН № 122020100350-2 «Стабильность южного макрорегиона: политико-правовые, социальные и этнокультурные аспекты».

Для цитирования: Батиев Л. В. «Смотрители» в системе самоуправления Нахичеванской армянской колонии на Дону (1779–1870 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 114–122. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-114-122>, EDN: RBTYLZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Caretakers” in the system of self-government of the Nakhichevan Armenian colony on the Don (1779–1870)

L. V. Batiev

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 41 Chekhov Avenue, Rostov-on-Don 344006, Russia

Levon V. Batiev, batiev@ssc-ras.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3351-8039>, AuthorID: 508681

Abstract. Caretakers were established in 1779 as “protectors” of settlers. They were mentioned in Nakhchivan only in 1784 (in 1782–1783 – the town governor). Newly appointed by the magistrate in 1837, two custodians functioned until 1844, and their functions were transferred back to the magistrate’s assessors. In 1780, four custodians were appointed in the villages. They, as lower police officers, acting according to the “Instruction” received from the magistrate, existed until the reforms of the 1860s.

Keywords: Nakhchivan colony, self-government, villages, magistrate, assessors, overseers, police

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the state assignment of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences No. 122020100350-2 “Stability of the southern macroregion: Political, legal, social and ethnocultural aspects.”

For citation: Batiev L. V. “Caretakers” in the system of self-government of the Nakhichevan Armenian colony on the Don (1779–1870). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 114–122 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-114-122>, EDN: RBTYLZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В 1778–1779 гг. состоялось организованное царским правительством переселение более 14 тыс. крымских армян в низовья Дона. Правовой статус образованной армянской колонии – г. Нахичевана (с 15 февраля 1838 г. – Нахичеван на Дону [1]) и пяти армянских сел был определен «Жалованной грамотой вышедшим из Крыма христианам армянского закона»

14 ноября 1779 г. Своим «милостивым словом» Екатерина II даровала армянам из Крыма самоуправление, гарантировала ряд привилегий и покровительство государства [2].

Специфическая система самоуправления Нахичеванской армянской колонии, особенно в ранний период ее истории, мало изучена в силу ограниченности источников. Нет точных сведе-

ний о том, когда и на каких основаниях была введена должность городского головы, нет более-менее полных данных о составе и работе магистрата и т. д. Пункт 5 жалованной грамоты, ставший основанием армянского самоуправления, среди прочего гласил: «В городе же и в деревнях для защиты во всех нужных случаях определяются особые начальники из российских, коим в судопроизводстве сих поселян не мешаясь, быть токмо охранителями и их заступать» [2, с. 878]. Однако о деятельности «особых начальников», которые вскоре стали именоваться «смотрителями», мало что известно. Между тем обнаруженные архивные материалы в сочетании с другими источниками позволяют подробнее охарактеризовать организацию самоуправления в Нахичеванском армянском округе и определить место «смотрителей» в этой системе.

Общая картина управления в колониях выглядела следующим образом. В 1779 г. была создана комиссия поселения выведенных из Крыма христиан. Ее задачей было обустройство переселенцев, учреждение судов, заведение «домостроительства», земледелия и т. п. в Азовской губернии [3, с. 181–182]. В состав комиссии входили, в частности: «Надворный Советник: Николай Алексеевич Марин Секунд-Майор: Петр Трофимович Горленский. Секунд-Майор: Иван Васильевич Тибекин. В должности Секретаря: Полковой Квартермистр Петр Апурин. В Армянском Магистрате: Председатель: Капитан Иван Абрамов. Заседатель: Андрей Попов» [4, с. 416]. В 1782 г. комиссия в связи с выполнением основных обязанностей была ликвидирована, все дела были переданы в Азовскую губернскую канцелярию [3, с. 182].

В жалованной грамоте единственным органом самоуправления армянской колонии назван магистрат. Нахичеванский армянский магистрат состоял из председателя (первого судьи) и четырех заседателей (или судей) с аппаратом служителей. Первым председателем магистрата был избран Иван Абрамович Абрамов (Ованес Абрамян) родом из Кафы (Феодосия), поступивший на русскую службу в 1771 г. В 1772 г. он был определен на службу в бывший Малороссийский компанейский полк есаулом, а 1 мая 1779 г. из сотников произведен в капитаны. В 1776 г. Иван Абрамов проживал в Еникале на берегу Керченского пролива, которая с 1772–1774 гг., как и Керчь, была включена в состав России [5, с. 5]. В 1779 г. он в числе делегатов от переселенцев отправился в Петербург и 26 ноября 1779 г. привез землякам долгожданную грамоту императрицы Екатерины II [6, с. 274]. И. А. Абрамов оставался председателем магистрата по крайней мере до 1786 г. его же называют первым главой шестигласной думы [7, с. 14].

В 1795 г. на замену шестигласной думе (образована в 1788 г. в соответствии с «Городовым положением» 1785 г.) пришел Совет

24 попечителей. Этот аналог городской думы просуществовал, постепенно угасая, до конца 1830-х гг., чтобы потом возродиться ненадолго в период реформ в 1866–1872 гг. [8].

Первыми заседателями магистрата в 1781–1783 гг. были Мартын Иванов (Мартiros Ованесов), Агоп Егияев (Егиазаров), Мгрдыч Бедросов (Никита Петров), магдеси (паломник по святым местам) Егиазар Бабасинов [6, с. 249]. В «Месяцеслове» на 1781 г. заседателем магистрата назван Андрей Попов [4, с. 416]. На 1782 г. вместо Е. Бабасинова мы видим Вартана Атамова [9, с. 142; 10, с. 471]. 15 июня 1790 г. председателем магистрата числится уже поручик Никита Петров (Мгрдыч Бедросов) [9, с. 142].

Имперская администрация в магистрате была представлена стряпчим (секретарем) «из российских». Г. Патканян указывал, что первым секретарем был губернский секретарь Тимофей Наумович Любенков [6, с. 250, 253, 255; 11, с. 44]. Но из справочников того времени следует, что в 1782–1894 гг. должность секретаря в магистрате занимал губернский регистратор Осип Мефтодовский, а коллежский секретарь (а под конец службы – коллежский советник) Т. Н. Любенков – с 1804 г. до 1825 г. [9, с. 98, 142; 12, с. 477; 13, с. 74] (относительно промежутка с 1795 по 1803 г. сведений не имеется). Из его формулярного списка на 1798 г. известно, что Тимофей Любенков, 39 лет, происходил из дворян, крестьян и подданных не имеет, поступил на службу «Новороссийской губернии при бывшем земском Кишенском правлении писарем 776 Ноября», «женат, имеет сынов Платона 11, Владимира 7 и Николая 5, кои находятся при доме» [14, с. 57]. Последним секретарем магистрата в середине XIX в. был отец известного таганрогского историка Петр Филевский [15].

Первым городским головой был избран еще на пути в будущий Нахичеван Михаил Кохбетлян (Микаэл Когбетлиев): он потом трижды (по 3 года) занимал эту должность. Статус и функции городского головы не были определены. По правилам, присланным из Екатеринославского наместнического правления, выборы на эту должность начались с 1794 г. [16, л. 4–4 об.]. Однако даже в 1807 г. Таганрогский градоначальник Б. Б. Кампенгаузен, составивший подробное «Топографическое и статистическое описание торгового города Нахичевана в 1807 году», отметив всех должностных лиц (включая вспомогательных канцеляристов и т. п.), даже не упомянул о существовании городского головы [17].

После упразднения «Комиссии по поселению...» в системе Нахичеванского городского управления обнаруживается должность городничего (с 1775 по 1862 г. городничий был главой административно-полицейской власти уездного города). В 1782–1783 гг. «в Нахичеване за городничего: премьер-майор Иван Макарьевич Володимиров» [9, с. 98; 12, с. 477]. Однако уже

на следующий – 1784 г. – «пример-майор Иван Володимиров; секунд-майор Андрей Сибиряков» названы «смотрителями» в Армянском нахичеванском магистрате [18, с. 487]. Это – первое известное упоминание должности смотрителя.

При основании Нахичевани уже была создана своя полиция: «Одному ловкому молодому человеку отдали в распоряжение полицейскую команду из 5-и конных и 5-и пеших полицейских... Их обязанностью было день и ночь караулить в городе, наблюдать за чистотой, защитить дома от пожаров» [11, с. 43]. Об этом писал также Б. Б. Кампенгаузен: «Для полиции по приговору общества и выбору онаго определен один чиновник, вроде пристава, с жалованьем по 150 руб. в год, в ведении коего под главным управлением магистрата состоит шесть пеших и шесть конных наемных караульных и разсылщиков» [17, л. 30 об.].

Первым главой нахичеванской полицейской команды, как указывал его далекий потомок, был Степан Чалхушьян (Чалохушев, Челехушев) [19] – один из проживавших в Еникале компанейских сотников, переселившихся в Нахичевань [5, с. 5–6] (в 1800 г. он уже капитан) [20, л. 1–1 об.]. В дальнейшем полицейскую службу в Нахичевани продолжали возглавлять жители города. Так, например, в 1806–1809 гг. управляющим полицией был Хачерес Мхитарян [11, с. 69], в 1809–1821 гг. в официальных справочниках управляющим полицией назван сотник (в 1815 г. – губернский секретарь) Христофор Никитич Мясников [21, с. 468; 22, с. 208; 23, с. 218; 24, с. 226; 25, с. 229; 26, с. 237; 27, с. 233; 28, с. 237; 29, с. 236; 30, с. 242; 31, с. 243] (это одно лицо: Хачерес на русский лад – Христофор, Никитич произошло от переделанного Мхитарян (по созвучию), обозначающего отчество, а фамилия явную представляет собой новообразование, которое встречается в делах магистрата Нахичевани не позднее 1800 г. [20, л. 1–1 об.]). В 1815 г. «нахичеванский полицмейстер сотник Мясников» Таганрогским градоначальником был представлен к награждению [32]. Он оставался в указанной должности по крайней мере до 1832 г. включительно [11, с. 108]. Г. Патканян называет его также городничим применительно к 1824–1825 гг. [11, с. 81].

Таким образом, уже в первые годы основания Нахичеванской армянской колонии существовал институт «смотрителей» – не только в селениях, но и в городе, чьи функции совпадали с полицейскими. Есть архивное свидетельство о том, что руководством Азовской губернии были назначены не только председатель и четыре судьи магистрата вместе с секретарем, но и четыре смотрителя в армянские села [33, л. 13 об.].

«Смотрители» армянских сел, как и служащие канцелярии магистрата, находились в ведении секретаря (стряпчего) магистрата [34, с. 10].

Однако статус самого секретаря был противоречив: «Хотя дьяк не имеет равной с судьями власти, потому что он есть подчиненный их, однако же он обязан наблюдать, чтобы все судебные бумаги были написаны по закону и в порядке» [35, л. 227 об.]. При такой двойственности полномочий секретарь фактически оказывался в полном подчинении судей магистрата. Как справедливо отметил сенатор Жемчужников, а позднее и авторы отчета о состоянии дел в судебно-полицейской сфере в середине XIX в., секретарь магистрата совершенно подавлен «энергией членов, строго держащихся правила устранять всякое влияние начальства на их дела» [36, с. 57]. Следовательно, и в отношении смотрителей его «власть» была не самостоятельной, а производной от магистрата.

Управление в селениях осуществлялось избираемыми сельским обществом атаманом, четьрьмя стариками (старейшинами), при участии смотрителя. «Занятия сельских управ: приведение в исполнение распоряжений градского головы и армянского магистрата, до их сословий относящихся и разборы маловажных дел местных обывателей. Вопросы же по предметам до интересов и нужд сельского общества относящиеся обсуждались в собрании избранных на мирском сходе, коих приговоры представлялись на утверждение совету городских попечителей» [37, л. 45 об.–46; 38, л. 95–95 об.]. Сельских старшин, «по избранию сословиями утверждал армянский магистрат на один год и снабжал их инструкциями, изображенными в данных им открытых указах. Сельские управления по судебным и административным делам подведомы, как и их сословия Нахичеванскому армянскому магистрату, а по хозяйственному управлению совету попечителей» [37, л. 48 об.]. Такая система сельского самоуправления – смотритель, атаман, старики, сельский сход – сохранялась и во второй половине XIX в. [39, л. 26–31; 40; 41, с. 65; 42, с. 10].

Приведем для примера сведения об одном из смотрителей этого периода. 19 июля 1852 г. в селение Большие Салы смотрителем был назначен писец первого разряда Федор Львович Алферов, 26 лет, православного вероисповедания. Женат он был на Пелагее Алтухиной, имел двух сыновей 1849 и 1851 гг. рождения. Из формулярного списка Ф. Л. Алферова видно также, что происходил он из дворянского рода, имени ни родового, ни благоприобретенного ни он, ни его жена не имели. Жизненный путь Алферова достаточно простой – по окончании курса наук в Сумском уездном училище в службу вступил в Лебединский земский суд канцелярским служителем 1-го разряда в январе 1841 г., затем по прошению был уволен в отпуск, вновь по прошению определен в Ростовскую городскую полицию в число канцелярских

служителей, позже переведен в Лебединский земский суд. И уже оттуда перемещен «ведомства Нахичеванского армянского магистрата смотрителем армянского селения Салов» [43, л. 19–20].

Жалованье от казны смотритель получал в размере 17 руб. [43, л. 19–20]. Полноценное обеспечение смотрителей – 60 руб. жалованья, жилья, топлива, пуд масла, два мешка пшеницы, сено для лошадей – было возложено на жителей сел [41, с. 49].

Обязанности сельских смотрителей подробно изложены в «Инструкции смотрителям армянских селений ведомства Нахичеванского армянского магистрата». Она находится внутри большого дела в 240 листов, содержащего разнообразные материалы начала XIX в. в основном на армянском языке [33, л. 68–75]. Текст представляет собой рукописную копию с оригинального документа (на это указано в начале самого документа), написанную в двух столбцах, в левом – на русском языке, в правом – на армянском. К сожалению, копия осталась незавершенной – текст заканчивается § 32. Тем не менее на сегодня это самый содержательный документ о смотрителях. Он подробно описывает статус, правовые основания, содержание и порядок деятельности сельских смотрителей. Копия написана коричневыми чернилами на листах писчей бумаги стандартного формата голубоватого цвета, одним писарским почерком.

Инструкция отражает более чем сорокалетний опыт функционирования смотрителей в армянских селах Нахичеванского округа. В ней также содержатся отсылки к общеимперским нормативно-правовым актам. Это – «Учреждения для управления губерний» от 7 ноября 1775 г. [44], «Устав благочиния или Полицейскому» от 8 апреля 1782 г. [45], именной указ, данный Управляющему министерством полиции, с Приложением дополнительных правил об устройстве дорог от 13 декабря 1817 г. [46], именной указ, данный Сенату «Об учреждении в каждой губернии комиссии для продовольствия в неурожайные годы жителей хлебом и денежным пособием» от 14 апреля 1822 г. [47]. Время составления «Инструкции» не указано, но из текста ясно, что это произошло не ранее апреля 1822 г.

«Инструкция» закрепила уже вполне оформившийся статус смотрителей. «Охранители и заступники» (смотрители) в армянских селениях находятся полностью в подчинении у Нахичеванского магистрата. В первом же параграфе «Инструкции» подчеркивается их должностная подчиненность: «Определенные в каждое армянское селение... начальники, именуясь ныне смотрителями состоят в зависимости Нахичеванского армянского магистрата» (§ 1). Функционал смотрителей определен во втором параграфе: смотрители составляют совместно с сельскими старостами сельскую полицию, и «исправляют

все письменные дела, до сельской полиции относящиеся». Но при этом, что особенно важно для составителей «Инструкции», «в разбирательство между поселянами отнюдь не вмешиваются» (§ 2). Полномочия смотрителей в отношении сельских старшин ограничены – они вправе только наблюдать за исполнением старшинами своих обязанностей «единолично по полицейской части», не имея права предпринимать и в этих вопросах самостоятельных действий, но лишь докладывая о нарушениях магистрату (§ 4).

Инструкция определяла правила делопроизводства и отчетности смотрителей. Они должны вести ежегодные книги учета по форме (прилагалась к «Инструкции»), записывая в них поручения магистрата и отмечая время исполнения. Раз в две недели смотрители с нарочным отправляют отчеты по исполненным делам (§ 8) и не менее трех раз в год они лично представляют для проверки в магистрат книги учета с пояснениями по поводу невыполненных дел (§ 7).

Смотрители обязаны были иметь сведения о «числе жителей в селениях, также о пространстве и местоположении оных», кратчайших путях между селениями и прилегающими к ним хуторами, промыслах и занятиях жителей (§ 3). Обеспечение порядка и безопасности – первые в списке обязанностей смотрителей. Согласно § 5 смотрители осуществляли наблюдение за нарушением частного и общего порядка и благочиния и сообщали о всех обнаруженных нарушениях узаконений. Они несли ответственность за выявленные помимо них на территории сел беспорядки, но при этом сами «воздерживаются от принятия на свое лицо частных жалоб и просьб, как-то : в завладении недвижимым имуществом, в неплате оных долгов, в личных ссорах и тому подобному, подлежащих разбору или магистрата или самих поселян» (§ 6).

В отношении сохранения благочиния и порядка смотрители обязаны были руководствоваться «Уставом благочиния или Полицейским» от 8 апреля 1782 г. (§ 19) [45]. В частности, «а. во время отправления богослужения крестных ходов вокруг селения и молебствий в полях и б. при стечении народа во время базаров и сельских празднеств» велено поступать по силе статей 256 и 261 Полицейского устава (§ 18).

Традиционной для полицейской службы была борьба с бродяжничеством и лихими людьми. При получении сведений о появлении подозрительных людей, шайке воров и разбойников смотритель должен был организовать силами обывателей их поимку, провести «начальный опрос» и отправлять со всеми вещами и деньгами «за крепчайшим караулом десятских и обывателей». При необходимости (побег задержанных или многочисленность «воров и разбойников») следовало известить соседние села (даже и относящиеся к другим ведомствам) и донести магистрату (§ 9, 10). При выявлении на допросе

пристанодержателей «или подобных им зловерных людей в селениях» смотритель находит пристанодержателей и доносит магистрату. Вообще, от всякого проходящего или проезжающего через селение, кто покажется подозрительным, смотрители обязаны были потребовать «вида», при отсутствии которого – задерживать таких и отсылать в магистрат. Всем же прочим, имеющим узаконенный вид, необходимо оказывать «всякое вспомоществование, особенно в ночлеге ночью и зимнею порою» (§ 10). Нищих попрошаек из соседних селений смотрители отсылают обратно своей властью, а из других уездов и губерний – доставляют в магистрат (§ 11).

В «Инструкции» нашли свое отражение и опасения властей перед распространением вымышленных указов, постановлений и манифестов. Согласно «Инструкции» смотрители «пресекают таковые разглашения внушениями и вразумлениями жителей», но если «произойдет ропот и самое возмущение в народе», то открывают «начинщиков таковых вредных разглашений и задерживают их под караулом» (§ 12).

Смотрители как полицейские чины обязаны были также организовать первичные действия в случаях скоропостижной смерти (утопление и др.) – о них доносят в магистрат, чтобы командировали медицинского чиновника для освидетельствования «и члена (полицейского заседателя магистрата. – Л. Б.) для произведения исследования, а сами между тем принимают меры к сохранению тел до освидетельствования от поверенного» (§ 15). Им же вменялось в обязанность удовлетворять запросы должностных лиц «о поимке тайно провозителей корчобного вина и об открытии в самых селениях корчемства» (§ 29).

В связи с периодическими недородами, неурожаями и соответствующими трудностями снабжением хлебом в России, начиная с 1760-х гг., предпринимались законодательные и административные меры для обеспечения запасов на случай неурожая. Высочайшим указом от 14 апреля 1822 г. были установлены основания для составления внутренних запасов и меры пособия в неурожайные годы, контроль за выполнением норм которого в армянских селах Нахичеванский магистрат возложил на смотрителей.

Смотрители периодически «проверяют хлебные запасы в сельских запасных магазинах, побуждают поселян чрез сельских старшин к взносу в оные в свое время». Они «наблюдают, чтобы смотрители к магазинам избираемы были из благонадежных поселян», а также следят за тем, чтобы не было «самовольной роздачи поселянам из магазейнов хлеба, и растраты оного без разрешения высшего начальства» (§ 31).

Традиционной сферой деятельности полиции была пожарная служба и надзор. Смотрители

через сельских старшин предупреждали сельских и хуторских жителей о крайней предосторожности от огня как в домах, так и в полях, следили за тем, чтобы в каждом дворе имелся какой-либо инструмент для погашения пожара, как-то: багры, лестницы, ведра, топоры и прочее (§ 16). Они же должны были руководить тушением пожаров, выяснять их причины, а при выявлении поджигателей и пособников – задерживать таковых под караулом и доносить магистрату (§ 17).

В ведение смотрителей входил и санитарный надзор «за чистотою и опрятностью в селении, на улицах», за складированием сена, соломы и прочих пожароопасных запасов, чтобы сельские жители, имея весьма пространные усадебные места, все складывали за дворами и на гумнах, за тем, чтобы в селениях «падшей скотины и прочего вредного здоровью отнюдь не было» (§ 20). При появлении инфекционной (прилипчивой) или повальной болезни, донося об этом магистрату, «смотрители своей властью обеспечивают изоляцию больных в особые избы и необходимые карантинные мероприятия, действуя на основании 238, 239 и 240 статей высочайшего о губерниях учреждения» (§ 13). Вообще смотрители всемерно должны были следить за тем, чтобы поселяне избегали разного рода опасностей. Так, им вменялось в обязанность через сельских старшин внушать жителям не пускать детей на лед «при начальном замерзании вод», чтобы избежать несчастных случаев (§ 26) и оказывать всю необходимую помощь при их наступлении (§ 27).

Контроль за исправностью дорог, мостов на балках, гатей, перевозов (переправ через водные преграды) также входил в круг обязанностей смотрителей. На основании «Правил» 13 декабря 1817 г. (которыми магистрат обязался снабдить сельских чиновников) смотрители должны были «побуждать поселян чрез сельских старшин к безоговорочному содержанию в исправности». Кроме того, раз в месяц смотрители должны объезжать «дистанции свои для осмотра больших дорог», и информировать об их состоянии магистрат (§ 21).

В описываемом деле сохранилось также «Наставление по указу его императорского величества из Нахичеванского армянского магистрата председателю оного Мануилу Магардычеву Попову и заседателю Ованесу Карабетову Хазезову» от 18 апреля 1818 г., которое содержит требования к обустройству дороги от Темерницкого моста до селения Чалтырь. В документе указывается перевод на армянский язык «Общего примечания о дорогах» (речь идет о «Приложении дополнительных правил об устройстве дорог» от 13 декабря 1817 г.) [33, л. 79–79 об.]. Кроме того, в деле имеется «Наставление о городе», которым велено членам Нахичеванского

армянского магистрата, городскому голове, полицейскому члену «и отряжаемым от них» исполнять «Общие для городов правила» от 6 ноября 1816 г. [33, л. 81]. Реализация п. 4 «Правил» о том, чтобы «неопрятства никакого на улицах не терпеть», поручена была магистратом 1 декабря 1816 г. «бывшему полицейскому члену Сотнику Христофору Мясникову и заседателям Мардиросу Ходжаеву», а 18 марта 1818 г. – «заседателю Капрелу Ходжаеву и полицейскому члену Борису Баронову, с приложением им списка с показанного высочайшего поведения» [33, л. 81 об.]. Помимо этого, названным чинам велено следить за исправным состоянием дорог, чистотой и опрятностью Базарной площади и других торговых мест, санитарным состоянием города в целом [33, л. 81 об. – 82 об.]. Как видим, заседатель магистрата и «полицейский член» выполняли в городе те функции, которые в селениях должны были осуществлять смотрители.

На основании Правил 13 декабря 1817 г. сельские смотрители наблюдали также за строительством в селениях, «дабы оные с позволения Магистрата строены были по плану сколько можно правильнее и без тесноты» (§ 22). «Смотрители подтверждают сельским старшинам иметь строгое наблюдение со стороны их, дабы во время добывания глины отнюдь не подкапывались и не делали подземельных ям, ибо таковые ямы бывают опасны для работающих» (§ 28).

Смотрители должны были следить в соответствии со ст. 247, 248 и 250 за тем, чтобы при отводе квартир для постоя военных и пастбищ для лошадей обыватели были «удовлетворены за подводы и прочее безобидно», докладывая обо всем магистрату (§ 23). Помимо воинских команд, поселяне обязаны были «фурщикам и извозчикам, провозящим чрез селение казенные провиант, амуницию, орудия, медную монету, и везущим казенную соль» выделять для волов и лошадей подножные корма и водопой без всякой платы, а также удовлетворять прочие законные требования. Наблюдение за этим также возлагалось на смотрителей (§ 24). Во время весенней или осенней распутицы смотритель заставлял обывателей оказывать бесплатную помощь завязнувшим на дороге телегам, «всем проезжающим и проходящим во время вскрытия или замерзания воды, когда никаких перевозов еще быть не может» (§ 25).

Ни в какие «денежные раскладки поселян, взыскания и взносы в казну податей и других сборов и проч., что только не относится к полицейской части» смотрители не должны были вмешиваться, но при необходимости они призваны по личным обращениям сельских старшин оказывать содействие во взыскании законных сборов и даже «побуждения ленивых и нерадивых к работам и хозяйству и проч.» (§ 30).

Об итогах эволюции фактического статуса смотрителей в Нахичеванской колонии в на-

правлении нижних полицейских чинов написал сенатор М. Н. Жемчужников, который в 1843–1844 гг. по поручению правительствующего сената провел ревизию Таганрогского градоначальства. Он отмечал, что звание смотрителей в настоящее время потеряло свое назначение и «сии чиновники, сделавшись по сближению армян с соседственными жителями совершенно излишними, получили новые, несвойственные определенному привилегиию кругу их занятий, обязанности и вместо защиты армян от соседственных жителей употребляются для управления армянами по полицейской части» [38, л. 45 об. – 46].

Выяснилось также, что институт смотрителей как своего рода полицейских служителей использовался и в самой Нахичевани-на-Дону. Так, в 1837 г. магистрат совместно с городским головой и советом 24 опекунов заручился согласием таганрогского градоначальника барона Отто фон Пфейлицер-Франка на избрание в связи с умножающимися занятиями магистрата двух дополнительных смотрителей (урядников) для наблюдения за благоустройством. Указанные смотрители, «состоя в непосредственном распоряжении магистрата, наблюдали за чистотою улиц, площадей, исправностью дорог, целостью пожарных инструментов и вообще всего того, что до устройства города и армянских селений относится, не касаясь до других полицейских обязанностей, которые должны исполняться на прежнем основании членами магистрата» [38, л. 43 об.].

Особенностью Нахичеванского армянского округа являлось объединение управления городом и селами. Для большего удобства полицейского контроля решением магистрата от 28 мая 1837 г. город в административном отношении был разделен на две части. К одной из них магистрат «присоединил селения Чалтыр, Крым, Султан-Сал и Самбецкие хутора, и к другой селения: Несветай, Сал и все Темерницкие хутора, определил допустить в первую часть смотрителем армянина мещанина Красильникова, а во вторую армянина Козодова. Сверх обязанностей наблюдать за благоустройством улиц, дорог, площадей и пожарной части магистрат возложил на означенных смотрителей надзор за содержащимися арестантами в тюрьме, за правильностью торговли в городе и вменил им в обязанность открывать пристанодержателей, преследовать бродяг, воров, разбойников и вообще в случае каких-либо во вверенных им частях происшествий действовать на правах, чиновникам полиции предоставленным, несмотря ни на какое лицо. Независимо от сего определения Армянский магистрат частными постановлениями по разным делам поручал мещанам Красильникову и Козодову исследование уголовных преступлений и все вообще обязанности, возложенные закононами на градскую полицию» [38, л. 43–44 об.].

Однако в апреле 1839 г. распоряжением исполняющего должность новороссийского и бесарабского генерал-губернатора смотритель Козодов за разные упущения был отстранен от занимаемой должности. В дело вмешался также и городской голова А. Халибов, конкурировавший с магистратом за влияние. Указав на нарушение магистратом предписания таганрогского градоначальника от 31 марта 1837 г. о смотрителях, городской голова в ноябре 1842 г. предложил магистрату «отменить распоряжения свои и не возлагать на Красильникова письменных дел по полицейской части. Вследствие сего 26 го ноября прошлого 1842 года магистрат определил не поручать смотрителю Красильникову никаких письменных дел, требующих формального исследования и препровождать таковые дела к заседателям сего магистрата. Но несмотря на сие постановление магистрат возлагал на Красильникова важнейшие поручения по полицейской части» [38, л. 46].

Суть претензий сводилась к тому, что по сложившемуся в Нахичевани порядку (в том числе в соответствии с нормами Армянского судебника) собственно полицейские функции должны были осуществлять судьи магистрата, которые, по-видимому, пытались переложить часть своих непосредственных (полицейских) обязанностей на смотрителей. Возможно, городского головы не устраивало усиление таким образом позиций магистрата.

Однако этим нарушения российских законов в части организации полицейской власти, по оценке сенатора М. Н. Жемчужникова, не ограничивались. Часть смотрителей не была приведена к присяге: «Кроме Красильникова, допущенного к должности смотрителя по городу Нахичевану без присяги, находятся также смотрители и в 4-х селениях Нахичеванского округа: Чалтыр, Крым, Сал и Несветай. Из сих смотрителей Ищенко и Кобылевский допущены также к должностям без присяги» [38, л. 45 об.]. В вину магистрату ставилось и то, что он «по словесному назначению Нахичеванского общества допустил к должности смотрителя по городу Нахичевану армянина губернского секретаря Мясникова» [38, л. 45 об.].

Как видим, в Нахичевани наличие в первой половине XIX в. «полицейского члена» или смотрителя не было чем-то новым. Тем не менее сенатор М. Н. Жемчужников на основании обнаруженных нарушений посчитал необходимым упразднить должность смотрителя, «находя, что смотритель Красильников, не приведенный к присяге на верность службы, не может на основании 396 ст. 3-го тома св. о служ. гражданской исполнять возложенных на него магистратом обязанностей, для приведения в надлежащий порядок расстроенного положения полицейских дел по городу Нахичевану». Сановный ревизор

предписал магистрату, «отобрав от Красильникова все дела, возложить оные на находящегося в канцелярии магистрата коллежского секретаря Каракаша, который обязан докладывать оныя присутствию и внести их в настольный регистр; магистрату же предписал передать означенные находящиеся у Красильникова дела заседателям и принять ближайшие и деятельнейшие меры к приведению всех таковых дел к окончанию. Равномерно, приняв в соображение, что губернский секретарь Мясников не мог быть допущен к исправлению должности смотрителя без разрешения градоначальника и что означенный чиновник не приведен к присяге, я, поставив сие на вид магистрату, предписал ему отобрать от Мясникова все возложенные на него поручения», – докладывал М. Н. Жемчужников [38, л. 48 об. – 49].

Тем не менее потребность в дополнительных полицейских кадрах осознавалась нахичеванским обществом. Поэтому городской голова совместно с магистратом обратились к сенатору «с представлением о дозволении им на место бывшего до сего времени числа заседателей избрать по установленному порядку особо двух заседателей собственно по полицейской части, на коих возложить как произведение следствий, так и поручения по прочим предметам, исполнение которых лежит на обязанности магистрата» [38, л. 59 об.–60]. Так, двое из четырех судей магистрата, предусмотренных еще Армянским (Астраханским) судебником, превратились в полицейских заседателей магистрата. Заседатель, ведавший полицейскими делами Нахичеванского округа, назывался полицейским (окружным) заседателем [16, л. 1 об.; 48, л. 24, 233, 260, 292–292 об., 301–303]. В 1857 г., в частности, вновь встречается имя окружного заседателя Мясникова [16, л. 1 об.].

Указанное превращение подтверждается мемуарной литературой. Как вспоминал И. М. Келле-Шагинов, «с 1857 по 1860 годы отец нес выборную должность заседателя магистрата.... Обязанностью отца была чисто полицейская часть» [49]. С передачей полицейской власти Нахичеванского магистрата Ростовскому полицмейстеру окружные заседатели были подчинены Ростовскому уездному исправнику [19]. Так, в 1867 г. второй гильдии купец Артем Чахиров, избранный кандидатом в заседатели Нахичеванского магистрата, уже фигурирует как «окружной заседатель Нахичеванского округа», а вышестоящей инстанцией, которой он рапортует, – ростовский уездный исправник [40].

Обзор имеющихся сведений позволяет сделать несколько выводов. Смотрители существовали как в городе, так и в селениях. Из «охранителей и заступников» они достаточно скоро превратились в обычных полицейских. В самой Нахичевани первые смотрители из русских офицеров оказались, по-видимому, избыточными

вследствие создания в городе собственной полицейской службы. К середине XIX в. городские смотрители в городе были замещены заседателями магистрата. В селениях смотрители просуществовали до полного упразднения Нахичеванской армянской колонии в качестве полицейских чинов, действующих под управлением магистрата. Лейтмотивом «Инструкции» являлось, во-первых, прямое подчинение смотрителей магистрату; во-вторых, ограничение их полномочий надзором и контролем за состоянием дел в селах; в-третьих, возможность осуществления распорядительных функций только через сельских старшин, в отношении которых смотрители могли осуществлять исключительно надзорные полицейские функции. Наконец, следует отметить, что вся деятельность смотрителей в полной мере основывалась на нормах российского законодательства.

Список литературы

1. Высочайше утвержденное положение Комитета министров, объявленное министром внутренних дел. Об именовании города Нахичевана, находящегося в Таганрогском градоначальстве, Нахичеваном на Дону, а состоящего в Армянской области Нахичеваном // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е : в 55 т. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1839 (далее – ПСЗ-II). Т. 13, № 10976. С. 363.
2. Жалованная грамота вышедшим из Крыма христианам Армянского закона // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е : в 45 т. СПб. : Тип. 2-го Отделения Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830 (далее – ПСЗ-I). Т. 20, № 14942. С. 878–879.
3. Олененко А. Г. Азовська губерньська канцелярія: структура, функції, штат (1775–1784) // Історія і культура Придніпров'я : Невідомі та маловідомі сторінки. 2011. Вип. 8. С. 177–184.
4. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1781 от Рождества Христова. СПб. : Имп. Академия наук. 1781. XXI, [1], 425, IX с.
5. Аваков П. А. О групповом переходе крымских армян в российское подданство до переселения в Азовскую губернию // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее : материалы III Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 30–31 мая 2018 г.) / [отв. ред. акад. Г. Г. Матишов]. Ростов н/Д : Издательство ЮНЦ РАН, 2018. С. 5–8.
6. Келле-Шагинов И. М. Моя единственная жизнь; дневники и воспоминания. Ростов н/Д : Старые русские, 2015. 320 с.
7. Казаров С. С. Нахичеванская элита: конец XVIII – начало XX веков. Ростов н/Д ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2021. 154 с.
8. Батиев Л. В. Двадцать четыре попечителя Нахичевани-на-Дону (из истории одного полузабытого органа) // Научные ведомости Белгородского университета. Серия: История. Политология. 2020. Т. 47, № 2. С. 318–326.
9. Макидонов А. В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. Запорожье : Просвіта, 2011. 336 с.
10. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1782 от Рождества Христова. СПб. : Имп. Акад. наук, 1782. XXI, [3], 473, X с.
11. Патканян Г. История Новой Нахичевани. Нахичевань-на-Дону : Типография С. А. Авакова, 1917. 121 с. (на армян. яз.).
12. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1783 от Рождества Христова. СПб. : Имп. Акад. наук, 1783. XIX, [3], 488, X, [2] с.
13. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1804 от Рождества Христова Месяцослов. СПб. : Имп. Акад. наук, 1804. 649 с. разд. паг.
14. Панкеев О. С. Групові формулярні списки чиновництва Новоросійської губернії за 1798 рік. Запоріжжя : [б. и.], 2011. 125 с.
15. Филевский П. П. Нахичевань и нахичеванцы (Из воспоминаний о детстве) // Донской временник. Год 1996-й. Ростов н/Д, 1995. Вып. 4. С. 168–174.
16. Национальный архив Армении (далее – НАА). Ф. 139: Ново-Нахичеванский армянский магистрат. Оп. 1. Д. 122.
17. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1409: «Собственная его императорского величества канцелярия». Оп. 1. Д. 2444.
18. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1784 от Рождества Христова. СПб. : Имп. Акад. наук, 1784. XXI, [3], 489, X, [1] с.
19. Чалхушьян Г. Х. История города Ростова-на-Дону. Историческая записка о городе Ростове-на-Дону. Глава XV. URL: http://www.donvremdsplru/Files/article/m1/22/artaspx?art_id=802 (дата обращения: 10.07.2023).
20. НАА. Ф. 329 «А. П. Халибян». Оп. 1. Д. 247.
21. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1809 : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Имп. Академия наук, 1809. [2], 496, X с.
22. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1810 : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Имп. Академия наук, 1810. [8], 504, VIII с.
23. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1811 : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Имп. Академия наук, 1811. [2], VIII, [2], 512 с.
24. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1812 : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Имп. Академия наук, 1812. 6], 519, [1], VIII с.
25. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1813 : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Имп. Академия наук, 1813. [4], VIII, [2], 527 с.
26. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1814 : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Имп. Академия наук, 1814. [4], VIII, [2], 546, 2 с.

27. Месяцослов с росписью чиновных особ или общих штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1815 : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Имп. Академия наук, 1815. [6], 532, VIII с.
28. Месяцослов с росписью чиновных особ или общих штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1818 : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Имп. Академия наук, 1818. [6], VIII, 548 с.
29. Месяцослов с росписью чиновных особ или общих штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1819 : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Имп. Академия наук, 1819. [8], VIII, 552 с.
30. Месяцослов с росписью чиновных особ или общих штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1820 : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Имп. Академия наук, 1820. [8], VIII, 568, 8 с.
31. Месяцослов с росписью чиновных особ или общих штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1821 : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Имп. Академия наук, 1821. [6], VIII, [2], 570, [1] с.
32. РГИА. Ф. 1286: «Департамент полиции исполнительной МВД». Оп. 2 1815 г. Д. 14.
33. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 790: «Нахичеванский городской (армянский) магистрат». Оп. 1. Д. 47.
34. Шахазиз Е. Исторические зарисовки. Тифлис : Типография Т. М. Ротиняна. 1903. 239 с. (на армян. яз.).
35. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 660: «Шахматовы – помещики Саратовской губернии». Оп. 1. Д. 477.
36. Судебно-статистические сведения и соображения о введении Судебных уставов 20 ноября 1864 года (по 32 губерниям) : в 3 ч. Ч. I. СПб. : В типографии при Правительствующем Сенате, 1866. 483 с. разд. паг.
37. НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 173.
38. РГИА. Ф. 1405: Министерство юстиции. Оп. 42. Д. 6812.
39. НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87.
40. НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 227.
41. Бархударян В. Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917). Ереван : Айастан, 1996. 528 с.
42. Богданян А. М. Из прошлого. О переселении армян из Крыма. 2-е изд. Ростов н/Д : Ростовское книжное издательство, 1989. 16 с.
43. НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 78.
44. Учреждения для управления губерний Российской империи. Ч. 1 // ПСЗ-I. Т. 20, № 14392. С. 229–34.
45. Устав благочиния или полицейский // ПСЗ-I. Т. 21, № 15379. С. 461–488.
46. Именной, данный управляющему министерством полиции. С приложением дополнительных правил об устройстве городов и селений // ПСЗ-I. Т. 34, № 27180. С. 908–913.
47. Об учреждении в каждой губернии комиссии для продовольствия в неурожайные годы жителей хлебом и денежным пособием // ПСЗ-I. Т. 38, № 29000. С. 146–153.
48. НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 191.
49. Келле-Шагинов С. История семьи из бывшего города... URL: <https://husisapailwordpresscom/2012/05/01/сергей-келле-шагинов-история-семьи-из/> (дата обращения: 10.07.2023).

Поступила в редакцию 18.07.2023; одобрена после рецензирования 11.09.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 18.07.2023; approved after reviewing 11.09.2023; accepted for publication 10.11.2023